

В. С. Кропотков

ОККУПАЦИЯ ЕВПАТОРИИ В 1941–1944 гг.: ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

В статье рассматриваются особенности политики, осуществлявшейся германскими оккупационными властями в 1941–1944 гг. в Евпатории. Определяется масштаб проводившихся репрессий по отношению к населению города. Выделяются характерные черты установленного нацистами режима массового террора на захваченных территориях СССР и специфика его реализации в Евпатории. Отмечается, что за преступления против человечности, помимо служб и организаций гитлеровской Германии, признанных Нюрнбергским трибуналом преступными, не меньшая доля вины ложится на формирования вермахта.

Ключевые слова: оккупационный режим, военные преступления, массовый террор, вермахт, Евпатория, Великая Отечественная война.

Для небольшого курортного города Евпатории Великая Отечественная война стала самым трагическим событием за всю его многовековую историю. Среди сотен документов, рассказывающих о том, что пережил в те годы город и его жители, выделяется предельно жесткой лаконичностью «Акт Городской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в г. Евпатории». Он был составлен спустя менее трех месяцев после освобождения города — 5 июля 1944 года. Строки из документа: «Разрушена полностью большая часть санаториев... Курортная поликлиника, пропускавшая ежегодно до 5000 человек амбулаторных больных, служила помещением для гестапо и взорвана при отступлении... Вывезен так же инвентарь санаториев, а то что не удалось вывезти — уничтожено на месте... После изгнания оккупантов все гидросооружения порта оказались взорванными... Взорваны и разрушены все служебные здания города... Железнодорожный узел и железнодорожное хозяйство разрушены, а имущество уничтожено... Трамвайное хозяйство разграблено, уничтожено и частично вывезено в Германию... Из 18 школьных зданий разрушено полностью 3, остальные 15 разграблены и частично разрушены... 590 зданий с общей площадью 308479 м² полностью уничтожены,

разрушены на 70–50% 143 строения общей площадью 161311 м²...». [Помнить ради будущего, 2015, с. 98, 99]. Приведенные строки взяты из «Акта» выборочно. Многое можно добавить... И даже, если учесть, что 29–30 октября 1941 г., при оставлении Евпатории, под руководством партийных органов и НКВД подверглись полному или частичному разрушению около 10 здравниц города, поврежден водопровод, электростанция и ряд других объектов (например, было подожжено здание городского управления НКВД по ул. Революции — напротив горбольницы), то объем разрушений не может не поражать. К объектам, разрушенным нами, можно также отнести двухэтажное здание довоенного горисполкома (ныне территория небольшого парка с кафе «Пингвин» по ул. Революции), подожженное в ходе диверсионно-разведывательного рейда бойцами разведотдела штаба ЧФ в ночь с 5 на 6 декабря 1941 года. Все остальное на совести оккупантов. Говоря о масштабах уничтожения, следует помнить, что город к началу войны был значительно меньше нынешнего. По состоянию на 01.01.1939 г. площадь его составляла всего 3857 га [ГАРК Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 155. Л. 87], при том, что значительная часть городского пространства — на север от ул. Некрасова, район Мойнакского озера и далее на запад, а так-

же северо-восток Евпатории были практически не застроены. Евпатория того времени едва ли составляла треть современной. Для небольшого провинциального города разрушения 1941–1944 гг. катастрофа такого масштаба, от которой он сумел в основном оправиться лишь к началу 50-х годов, а окончательно залечил последствия войны только к середине 70-х. Нельзя не отметить: подавляющая часть разрушений в городе — следствие оккупационного режима, а не боевых действий.

17 октября 1941 г. грузовой пароход «Ленинград» (капитан Ф. Пархоменко), находящийся на Евпаторийском рейде, от близкого разрыва 10 бомб, сброшенных фашистскими самолетами, затонул на мелком месте. Вскоре был поднят и отбуксирован в Севастополь [Справочник 1989, с. 56]. 25 октября 1941 г. в районе Евпатории подверглось бомбовым атакам немецких самолетов спасательное судно (буксир) «Шахтер». Погиб командир П. Крысюк и пять членов команды. Штурману Романенко удалось увести поврежденный буксир в Балаклаву. 29 октября 1941 г. грузовой пароход «Ураллес» (капитан И. Короткий), участвовавший в эвакуации Евпатории, погиб во время бомбардировки авиацией противника [Справочник 1989, с. 56]. Немцы бомбили суда, находившиеся на рейде, но город не тронули. 31 октября 1941 г. Евпатория была оставлена без боя. Не было крупного сражения и при освобождении города 13 апреля 1944 года. Наиболее ожесточенными были бои, которые вели десантники в январе 1942 года. Тогда, в ходе боев, были разрушены здания гостиницы «Крым», морвокзала и бывшей «горелой почты» (на месте нынешнего кафе «Мустафа»). За всю войну Евпатория не подвергалась ни артиллерийским обстрелам, ни массированным бомбардировкам. При этом ущерб, причиненный городу, только по предприятиям и учреждениям (без учета жилого фонда) составил согласно «Реестру актов ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками предприятиям и учреждениям г. Евпатории по состоянию на 28.09.1944 г. почти 190 миллионов рублей (!). [Помнить ради будущего, 2015, с. 100–103]

Строки из архивных документов: «В момент освобождения города частями Красной Армии в городе имелось жителей 16481 человек, в том числе и эвакуированного населения, прибывшего в Евпаторию в период оккупации с Кубани, Украины, Керчи, Севастополя» [ГАРК Ф. Р-1289. Оп. 2. Д. 81. Л. 21]. Точное число эвакуирован-

ных не указывается, но по воспоминаниям переживших оккупацию и ряду косвенных показателей, их было не более тысячи человек, т. е. собственно, евпаторийцев в апреле 1944 года в городе находилось около 15,5 тыс. чел. Население Евпатории к началу войны обычно оценивают в 47 тыс. чел., что не совсем верно. Эта цифра взята по результатам переписи 1939 года, по итогам которой на начало 1939 года в Евпатории проживало 21914 мужчин и 25087 женщин, а всего 47001 человек [ГАРК Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 112. Л. 3]. К началу войны прошло почти 2,5 года и за этот период, учитывая средний ежегодный прирост населения по стране (более 1,5%), численность населения города выросла не менее, чем на 1,5 тысячи человек и составила около 48,5 тыс. человек. Таким образом, разница в довоенной и послевоенной численности населения составила 33 тыс. человек. Попробуем разобраться в этой цифре.

1. Угон в Германию. На принудительные работы в Германию за годы оккупации были угнаны более 5 тыс. человек [ГАРК Ф. Р-1289. Оп. 2. Д. 81. Л. 22].

2. Эвакуация. В соответствии с Постановлением Совета по эвакуации №СЭ-88с от 19.08.1941 г. «Об эвакуации членов семей рабочих и служащих из Крымской АССР» из Евпатории разрешалось эвакуировать 10 тыс. человек. Даже с учетом того, что какой-то незначительной части жителей удалось выехать из города самостоятельно (тем самым минуя установленную квоту), эвакуированных было, безусловно, меньше. В докладной записке Совнаркома Крыма в Обком ВКП (Б) об эвакуации из Крыма населения от 18 мая 1943 г. указывается, что условия эвакуации, особенно накануне оставления Симферополя, были исключительно тяжелыми [Крым в период Великой Отечественной войны..., 1973, с. 66]. Здесь же приводятся сведения, что с июля по ноябрь 1941 года из Крыма в организованном порядке было вывезено около 200 тыс. гражданского населения, что, к сожалению, значительно превышает количество эвакуированных. Реально же, по данным ЦСУ СССР на конец 1941 года полуостров покинуло 98,5 тыс. человек [РГАЭ. Ф. 1526. Оп. 20. Д. 248. Л. 10; Гольденберг, 2013, с. 36] В полном объеме эвакуацию осуществить не удалось. Не исключение и Евпатория. Учитывая, что численность жителей города составляла менее 5% населения Крыма, Евпаторию удалось покинуть не более 6–6,5 тыс.

человек (включая покинувших город без «эвакуационного билета»). Но будем считать по максимуму — 6,5 тыс. человек.

3. Призыв в армию. «К августу 1941 г. в действующую армию и флот было отправлено более 5 тыс. мобилизованных, в т. ч. около 1 тыс. добровольцев» [Книга Памяти..., 1995, с. 12]. Позднее, во второй половине августа, в Крыму было создано 4 дивизии народного ополчения. 2-я Крымская стрелковая дивизия (в последствие 321-я сд) сформирована на основании приказа по 51-й армии № 001 от 17 августа 1941 года. Соединение формировалось, в основном, из жителей Евпатории, а также Сакского и Ак-Мечетского районов 1904–1890 гг. рождения. Командир полковник Алиев И. М., комиссар Букарский Б. М. [Саркисян, 1983, с. 8]. О дивизии крайне мало сведений. Известно, что численность ее не превышала 5 тыс. человек. Как и другие дивизии народного ополчения, находившиеся на обороне побережья, она почти не имела ни артиллерии, ни автоматического оружия, ни автотранспорта, т. е. фактически была небоеспособной. По данным Центрального Архива Министерства обороны дивизия входила в состав действующей армии по 10 октября 1941 года. Больше, как боевая дивизия, не упоминается [Крым в Великой Отечественной войне..., 1994, с. 12]. В мемуарах командующего 51 армией П. Батова ее боевые действия отмечены 24 октября: «...321 дивизия в тяжелые для нас дни сентябрьских и октябрьских боев бездействовала на Евпаторийском полуострове. Штаб армии то двигал ее к перешейку, то приказывал идти обратно. Когда сражение на Перекопе и Ишуньских позициях было проиграно, эта дивизия в одиночку билась с хлынувшими к Евпатории немецкими войсками, нанесла большие потери 132-й пехотной дивизии противника, входившей в состав 54-го армейского корпуса, 24 октября, но и сама истекла кровью. Лишь немногочисленные остатки ее смогли уйти к партизанам» [Батов, 1970, с. 31]. Однако, ни о каких боях под Евпаторией в октябре 1941 года сведений, кроме вышеприведенного отрывка из книги П. Батова, нет. 132 дивизия, войдя 31 октября без боя в Евпаторию, устремилась без задержки по направлению на Севастополь. Возможно, П. Батову известно о каких-либо локальных боях в эти дни, и какие-то соединения дивизии погибли на подступах к городу. Но подавляющая часть личного состава не по своей вине оказалась не в состоянии при-

нять бой с противником, и просто разошлась по домам. Исходя из того, что отдельные соединения дивизии могли быть ранее переданы в другие части, и, не исключая локальных боев, отметим порядка 1 тыс. человек из состава 321-й сд, не вернувшихся в город. Таким образом, количество евпаторийцев, находившихся в армии перед захватом города немцами, примем за 6 тыс. человек. В итоге получаем 15 тыс. человек. Большинство из них уничтожено в городе за период оккупации! Безусловно, надо учитывать и степень погрешности при вычислениях, и то, что какая-то часть жителей Евпатории находилась (на момент освобождения города) в селах Евпаторийского района и других населенных пунктах Крыма (но не более нескольких сотен человек, т. к. при оккупантах перемещения жителей по региону жестко пресекались и были незначительны). Принять во внимание также следует, что в Евпатории, помимо евпаторийцев, неоднократно расстреливались и жители Ак-Мечетского (Черноморского), Фрайдорфского (ныне в составе Раздольненского района) и Сакского районов. И все же, определенное Актом городской комиссии количество замученных и расстрелянных жителей Евпатории — более 12 тысяч человек (в последующие годы окончательно принятая цифра — более 12 560 человек), возможно, даже занижено. За последние годы в отечественной историографии, посвященной периоду Великой Отечественной войны, появился ряд публикаций, в которых ставится под сомнение число жертв оккупационного режима на территории СССР (6,8–7 млн. чел.). Предполагается, что эти цифры завышены. По мнению некоторых авторов, это произошло по вине Чрезвычайной Государственной Комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Например, в статье В. Земского «К вопросу о масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне» отмечается: «...местные комиссии ЧГК нередко учитывали как погибших всех прежде здесь проживавших жителей сожженных безлюдных деревень, а потом выяснялось, что эти люди вовсе не погибли, а просто переселились на жительство в другие районы. В число жертв включали даже людей, находившихся в эвакуации... На практике же местные комиссии ЧГК вносили в списки погибших и замученных немало живых людей, отсутствовавших по различным другим причинам». [Земсков, 2012, с. 252]. Безусловно, в масштабах страны,

преувеличение числа жертв по отдельным регионам имело место, хотя следует признать, что по ряду причин в некоторых районах приводились и заниженные цифры. Что же касается Евпатории, то здесь городской комиссией были тщательно обследованы места массовых казней и, насколько это было возможно, определено количество казненных. Как отмечено в «Акте», их число по неполным данным составило 12 тысяч 150 человек. Оснований подвергать сомнению выводы комиссии у нас нет. Ответственность за содеянное несут как армейские соединения вермахта, так и организации, службы аппарата подавления и насилия — СС, СД, гестапо и пр., бывшие неотъемлемой составляющей государственного устройства нацистской Германии. Все перечисленные достаточно широко были представлены в Евпатории в 1941–1944 гг. В санатории им. 13-летия РККА (санаторий «Звездочка») размещалось СД, которому подчинялась криминальная полиция, в корпусах ЦКП — СС и гестапо. С ноября 1941 года по июль 1942 года в Крыму дислоцировалась одна из четырех подвижных оперативных (айнзатцгруппе Д) групп, созданных накануне войны. Штаб находился в Симферополе. Командир оберфюрер (впоследствии группенфюрер) СС О. Олендорф.

Эти подразделения были предназначены для выявления и уничтожения на оккупированных территориях еврейского населения, цыган, сотрудников НКВД, партруботников и др. Часть оперативной команды 11б, входившей в состав опергруппы Д, с ноября 1941 г. дислоцировалась в Евпатории. Командир штурмбанфюрер СС П. Цапп, а с января 1942 г. штурмбанфюрер СС В. Брауне [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 444]. Подразделением в Евпатории командовал оберштурмфюрер СС Кубяк. Именно этим подразделением (с помощью полиции и других служб) были расстреляны в ноябре 1941 г. более 150 семей крымчаков, и 23 ноября более 700 евпаторийских евреев, т. е. все еврейское население города, которому не удалось эвакуироваться (в 1939 году в Евпатории проживало 4249 евреев) [Крым многонациональный, 1988, с. 70]. Количество убитых было спустя 2 недели подтверждено взятыми в плен немцами и полициями во время разведывательного рейда в Евпаторию. В разведсводке №488 разведотряда штаба ЧФ от 6 декабря 1941 года сообщалось, что в городе «расстреляно свыше 700 евреев» [Филиал ЦАМО (Архив ВМФ)

Ф-1087. Оп. 374. Д. 4. Л. 40]. Тогда же, в ноябре 1941-го был проведен и расстрел цыган, проживавших в Евпатории и Евпаторийском районе. Об этой массовой казни подробная информация отсутствует. Известно лишь, что были убиты все цыгане рома. Не установлена точная дата. В свидетельствах евпаторийцев упоминается и 6–7 ноября и 23–24 ноября, т. е. одновременно с еврейским расстрелом. Именно эта дата указывается в Книге Памяти Республики Крым [Книга Памяти..., 1995, с. 19]. Не исключено, что массовая казнь проводилась дважды. Трудно установить и число казненных. В довоенный период в Крыму среди цыган было еще немало кочевых и статистические сведения о них были далеко не достоверными. Считалось, что в Евпатории и районе проживало несколько сотен человек. Почти все были уничтожены в ходе ноябрьского расстрела (расстрелов?), что по самым минимальным оценкам составляет 200–250 человек. По Книге Памяти, в Евпатории было расстреляно 400 цыган [Книга Памяти Республики Крым. Том V, 1995, с. 19]. Но учитывая, что в Крыму перед войной проживало, хоть и по неполным данным, около 2 тыс. цыган рома, маловероятно, что 20% цыганского населения полуострова было расстреляно в одной лишь Евпатории. Помимо цыган рома, в Крыму проживали еще цыгане чингене (так их называли крымские татары и турки; самоназвание «урмачель»). Со времени средневековья, живя бок о бок с крымскими татарами, они глубоко интегрировались в крымскотатарскую среду. Большинство вело оседлый образ жизни. С крымскотатарским этносом их роднит общность языка, религии, традиций, обрядов... Подавляющая часть чингене была спасена от уничтожения в результате действий видных представителей крымскотатарской интеллигенции, религиозных лидеров, руководства мусульманских комитетов, выступивших в их защиту перед немецкими оккупационными органами.

В большинстве как отечественных, так и зарубежных публикаций, посвященных теме геноцида мирного населения на оккупированных немцами территориях, особое внимание уделяется действиям, признанных Нюрнбергским трибуналом преступными, организациям СС, СД, гестапо. Роль вермахта на их фоне отходит на второй план. Хотя, очевидно, что уничтожение миллионов не могло быть осуществлено исключительно карательными органами нацистов. Вермахт несет не меньшую ответственность за преступле-

ния против человечности, что, к сожалению, по разным причинам не нашло должного отражения в итогах Нюрнберга. В Крыму и, в частности, в Евпатории, более чем достаточно подтвержденных преступлений вермахта.

Наиболее массовые расстрелы жителей города были осуществлены после подавления десанта с 6 по 9 января 1942 года. Уже в декабре 1941 года, в отместку за успешно проведенную декабрьскую разведоперацию, немцы расстреляли около 50 человек, а в январе старались уничтожить как можно больше мужского населения города. Количество расстрелянных точно установить уже не удастся никогда. Но ясно, что счет идет на тысячи. Так, согласно Акту Городской комиссии, только в 186 могилах (северная часть города) в противотанковом рву обнаружено около 4000 расстрелянных местных жителей. Причем «во вскрытых ямах лежали трупы, главным образом, взрослых мужчин с пулевыми выходами в черепах», что подтверждает (среди расстрелянных одни мужчины) об убийстве их в дни после десанта. Но по показаниям свидетелей, расстрелы в эти дни проводились и на Красной горке, где, согласно «Акту», обнаружено более 3000 тел, и в районе грязелечебницы «Мойнаки», недалеко от подсобного хозяйства, где в противотанковом рву покоились около 2000 казненных [Помнить ради будущего, 2015, с. 95–97].

Как отмечалось выше, наиболее интенсивные расстрелы имели место в период с 6 по 9 января. Однако казни продолжались и в последующий период. Надежда Яковенко, одна из очевидцев описываемых событий утверждала, «что расстрел мужского населения после десанта длился более месяца...» [Помнить ради будущего, 2015, с. 105].

Это подтверждается показаниями других свидетелей и документальными источниками. Ответственность за указанные преступления несут командование 11-й армии во главе с генерал-полковником Э. Манштейном и исполнители — боевые подразделения немецкой армии. Для подавления десанта 05.01.1942 г. в Евпаторию были направлены: разведбатальон 22-й Нижне-Саксонской пехотной дивизии (командир — подполковник Оскар фон Боддин); 70-й саперный батальон (командир — подполковник Риттер фон Хайгль) и 2 батальона 105 пехотного полка (командир — полковник Фридрих Мюллер). Уже в ходе боя с десантниками немцы использовали методы, которые, однозначно, квалифицируются как военные преступления. Так дважды 5

января они пытались атаковать, выставив впереди себя мирных жителей: по ул. Революции, в зоне действия разведбатальона [Помнить ради будущего, 2015, с. 109] и в месте пересечения ул. Интернациональной и Раздельной, в зоне действия 70-го саперного батальона [Помнить ради будущего, 2010, с. 28].

В ходе подавления одного из последних очагов сопротивления моряков — гостиницы «Крым», в ночь с 5 на 6 января были убиты десятки раненных десантников, находившихся на набережной недалеко от Пассажирской пристани, в ожидании эвакуации. Позже, 7 января, были расстреляны прямо в палатах горбольницы 18 раненных десантников. Тогда же расстреляли и хирургов, оперировавших раненых — Н. Балахчи и К. Глицоса. Во время проводившейся зачистки в городе 6 и 7 января, продолжавших вести бой одиночных бойцов и малочисленные группы батальона вынуждали сдаваться под угрозой расправы с жителями домов, где находились десантники. Там, где сопротивление продолжалось, сражающиеся уничтожались вместе с жильцами. Всего перечислить невозможно. И все это не просто грубое нарушение Гаагской и Женевской конвенций — это геноцид.

Массовые казни жителей города начались уже 6 января. Только 7 января было расстреляно 1184 человека, о чем свидетельствует документ за подписью руководившего акцией майора Ризена: «...Я проводил акцию уничтожения в Евпатории 07.01.42 г. по приказу господина главнокомандующего. Командир оперативной группы Д придал мне для этого трех фюреров СС и среди них штурмбанфюрера СС доктора Брауне. Для проведения этой акции были выбраны 1184 мужчины... Они были построены и отведены под охраной 90 солдат ПВО, нескольких фюреров СС и меня на место казни и там расстреляны... Штурмбанфюрер СС доктор Брауне давал указания на месте казни по проведению расстрела» (ЕКМ 595 н/в. Копия из тома документов 11, лист 324). Из документа следует, что казнь проводилась военнослужащими, а представители СС в данном случае выступали в роли «экспертов-советников». Приказ исходил от командующего 11-й армии генерал-полковника Эриха фон Манштейна. В своих мемуарах Э. Манштейн по понятным причинам избегает упоминаний о действиях по массовому уничтожению населения на оккупированных территориях, подчиненными ему частями и соединениями. Однако бойня в Евпатории упомянута

(правда, сведения даются только за один день), но с присущей Манштейну изворотливостью. В «Утерянных победах» генерал пишет: «7 января бой в Евпатории был окончен. Высадившиеся войска русских были частично уничтожены, частично взяты в плен. Было убито около 1200 вооруженных партизан» [Манштейн, 1999, с. 263] Следует обратить внимание, что основная фаза боя была завершена уже в ночь с 5 на 6 января, а не 7 января (сообщение о боевых действиях якобы в течение 3-х дней было необходимо Манштейну для объяснения командованию группы «Юг» причины высоких потерь, понесенных немцами в бою с десантниками). В последующие дни проводилась зачистка города и, одновременно, шли массовые расстрелы. Но надо было все это представить, как боевые действия против десантников и «вооруженных партизан».

Соединение Р. Хайгля находилось в городе почти до конца января. О характере его действий можно судить, например, по одному из донесений от 17 января:

«Телетайпная служба командования 11-й Армии.

Принято: 17.01.42 г. в 20 час. 40 мин. из Евпатории.

1. На севере Евпатории заживо сожжены 3 вооруженных партизана посредством разоружения (вероятно, разрушения?! — В. К.) дома.

2. Евпатория-центр 1 пленный, остатки десанта (вероятно, 4 человека) находятся под развалинами дома.

3. 23 партизана и еврея были обнаружены в укрытии в 15 км северо-западнее Евпатории и расстреляны.

4. Портовая пристань (самая большая пристань в Евпатории) взорвана полностью.

Боевая группа фон Хайгля» [ЕКМ-11593 н/в. Документ НОКВ-1183, с. 3].

Манштейн упоминает о 1200 убитых в Евпатории, что противоречит фактам, изложенным в «Акте городской комиссии» и ряду других документальных источников. Примечательно, что даже в местной оккупационной газете «Евпаторийские известия» № 3 от 11.01.42 г. сообщалось, что было убито 2000 человек, хотя и это явно заниженная цифра.

Областным оккупационным печатным органом — «Голосом Крыма» 11 января 1942 г. было опубликовано обращение немецкого главнокомандования к населению Крыма по поводу десанта в Евпатории. Строки из обращения:

«04 января врагу удалось высадить в городе Евпатории воинские части и вместе с населением занять часть города...

Желая улучшить положение населения, немецкое главнокомандование всеми силами старалось избежать последствия разрушений, причиненных большевиками. Подавляющая часть населения, признавая наши усилия, искренне поддерживала немецкое главнокомандование, часть же жителей города Евпатории злоупотребляла нашим доверием и, с одной стороны, лишь изображала перед немецкими войсками свою дружелюбность, тайно прятала оружие, а, с другой стороны, даже приняла участие вместе с советскими войсками в открытом бою против немецких войск.

Вследствие такого нечестного поведения, эта часть жителей г. Евпатории лишила себя защиты международного права. Виновные были подвергнуты жестокому наказанию: их расстреляли, а дома преступников уничтожены» [Окупаційний режим в Криму, 1996, с. 10–11]. Здесь к расстрелянным уже применяется термин «жители, лишённые защиты международного права» (?!). Между тем, на Нюрнбергском процессе преступления немецких войск в Крыму, в зоне ответственности командования 11-й армии были квалифицированы как «преступления против человечности» (массовые убийства мирных жителей, в том числе, детей в Керчи, Евпатории, Феодосии) [Гончаров, 1999, с. 848] Там же, в Нюрнберге, было установлено, что айнзатцгруппа Д находилась в тактически-оперативном подчинении командующего 11-й армией, а командир группы О. Олендорф официально занимал должность уполномоченного начальника полиции безопасности и СД при штабе армии. Таким образом, он непосредственно подчинялся Э. Манштейну и последний несет прямую ответственность, в том числе и за преступления, совершенные айнзатцгруппой в Крыму. Позднее, в 1949 году дело Э. Манштейна рассматривалось британским военным трибуналом в Гамбурге. ходе состоявшегося судебного процесса вскрылись и подробности массовых расстрелов жителей в Евпатории после разгрома десанта в январе 1942 года. Э. Манштейн был в декабре 1949 г. приговорен к 18 годам заключения, но уже в 1953 году был освобожден из тюрьмы по состоянию здоровья [Гончаров, 2010, с. 47–48].

В зарубежной публицистике и в ряде отечественных источников периодически появляются упоминания об участии неких мифических

партизан и вышедших из подполья сотрудников НКВД (?) в боях в Евпатории. На западе одними из первых об этом сообщили Диксон и Гейльбрунн в книге «Коммунистические партизанские действия». Приводим отрывок из книги, посвященный событиям в Евпатории, в изложении авторов: «Поскольку общее количество участвовавших в операции солдат Красной Армии, партизан и парашютистов (? — В. К.) равнялось 1700 человек, партизан могло быть не более 900 человек. Однако, в донесении под рубрикой «потери противника» было указано «1308 граждан (партизан) расстреляно». В донесении же армейских начальников указывалось, что партизан в бою было убито 1200 человек. Как впоследствии выяснилось из доклада штаба 11 армии, эти 1200 партизан были «мирными жителями, враждебно настроенными по отношению к немцам. Они были расстреляны впоследствии... Таким образом, оказывается, что значительное число ни в чем не повинных граждан, не принимавших участия в описанных боевых действиях, было позже расстреляно и немцы пытались скрыть этот факт, преувеличив число партизан, фактически участвовавших в этой операции. Ясно одно: силы партизан были значительными и, возможно достигали половины численности всех сил противника на берегу» [Диксон, Гейльбрунн, 1957, с. 64–65]. Здесь вымысел причудливо переплетен с правдой — расстрел мирных жителей и невест откуда взявшиеся в Евпатории партизаны в количестве 900 человек и даже парашютисты.

Необходимо, видимо, дать краткую информацию о партизанах и подпольщиках Евпатории. Евпаторийский партизанский отряд, сформированный на основе истребительного батальона (около 160 чел.), покинул город 31 октября 1941 года и отбыл к месту постоянной дислокации в район Крымского госзаповедника. Что касается оставшихся по линии НКВД и партийных органов для работы в подполье, то известно всего 8 фамилий: Колесниченко В. С., Диденко Н. И., Петров Н. М., Авчинников С. Ф., Григорьев М. Г., Бесонюк Н. М., Алядинова Э., Лисицын Н. С. [ГАРК, Ф. П.-156. Оп. 1. Д. 61. Л. 22]. При этом Колесниченко предполагалось использовать для работы в Керчи, а Авчинникова в Феодосии, где он и работал, причем весьма успешно в период первой оккупации города (ноябрь – декабрь 1941 г.) [ГАРК, Ф. П.-156. Оп. 1. Д. 71. Л. 56–57]. О Диденко и Петрове сведения отсутствуют. Судя по всему, они к работе не приступали и,

хотя планировались, но все же не были оставлены в городе. Нет сведений и о работе Григорьева с Бесонюком, впрочем, они были посланы в Евпаторию по распоряжению руководства крымских партизан в 1942 году, и к десанту никакого отношения не имеют. [ГАРК, Ф. П.-156. Оп. 1. Д. 61. Л. 17–19]. Николай Семенович Лисицын был убит под Евпаторией (в районе с. Мамайка) полицией 07. 01. 42 г. при доставке в немецкую жандармерию [ГАРК, Ф. П.-156. Оп. 1. Д. 74. Л. 15–18]. Наконец, Алядинова Эмине, оставаясь в оккупации, подпольной работы не вела, за что и была исключена из партии в июле 1944 года [ГАРК, Ф. П.-76. Оп. 1. Д. 189. Л. 31]. Подпольные группы, действовавшие в Евпатории, возникли уже после десанта. Наиболее известной из 8 существовавших, была группа, возглавлявшаяся бывшим участником десанта, майором А. И. Галушкиным.

Вновь приходится повторять, что на основе многочисленных документальных источников, в т. ч. свидетельств очевидцев, в настоящее время достоверно установлено, что почти весь личный состав десанта героически погиб в ночь с 5 на 6 января и не было, да и не могло быть в Евпатории никаких партизан и отрядов НКВД. Что касается жителей города, то они оказали сильную помощь морякам (эвакуация с поля боя раненых, оказание первой медицинской помощи, обогрев, кормление и т. д.), но ни о каком массовом восстании и вооруженной борьбе вместе с десантом говорить не приходится. Речь может идти лишь о возможном, эпизодическом участии в боях 30–40 человек, в том числе и некоторых освобожденных военнопленных (из числа находившихся в лагере на восточной окраине города). Вооружить сколько-нибудь значительное число желающих сражаться десантникам попросту было нечем. Все остальное — это измышления немцев, старательно скрывавших свои преступления в Евпатории, начало которым положил сам Э. Майнштейн. Совершенно справедливо отмечает А. Басов в монографии «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», что требовалось оправдание массовых казней над евпаторийцами: «Им (десантникам — В. К.) помогали, чем могли, жители. Это послужило поводом для Манштейна объявить о восстании в городе и после разгрома десанта жестоко покарать его население» [Басов, 1987, с. 128–129]. Свою лепту в искажение реальных событий внесла и отечественная публицистика. Версия о восстании жи-

телей города соответствовала идеологическим установкам советского периода истории.

Спустя несколько дней после боя с десанниками, разведбатальон и 105 пехотный полк покинули Евпаторию. Боевая группа Ф. Хайгля, основу которой составляли бойцы 70-го саперного батальона, как отмечалось выше, находилась в городе длительное время. Уничтожение жителей и редких уцелевших десантников продолжалось, хотя и не с той интенсивностью, как в период с 6 по 9 января. Группа действовала в тесном контакте с военной комендатурой города, подчиненной ей жандармерией и, состоящей из местных предателей, вспомогательной полицией. При посещении Евпатории 7 января представителем штаба 11 армии генерал-лейтенантом Дёла, ему докладывал о событиях последних дней комендант города подполковник Зейгер, получивший от генерала благодарность «за стойкость при нападении русских». Им же был получен отчет о перемещении жандармерии и приказ генерала о дальнейших действиях (ЕКМ 11586 н/в. Доклад генерал-лейтенанта Дёла, с. 6). Что касается стойкости подполковника Зейгера и его подчиненных, то она проявилась в их паническом бегстве в западную часть города и бегство продолжалось бы (во всяком случае, тех, кто смог остаться в живых), если бы не подоспели 22-й и 70-й батальоны и 105-й пехотный полк. Относительно же действий комендатуры и до, и после, и во время десанта, то они требуют отдельного рассмотрения. И здесь следует сделать небольшое отступление.

Евпатория рассматривалась немцами как тыловой район 11 армии уже в период обороны Севастополя. С июля 1942 года — это глубокий тыл. Не случайно город был местом расположения всевозможных подразделений, как по линии СС и СД (некоторые упоминались ранее), так и по линии абвера. В Евпатории в период оккупации размещались.

1. Входящие в подчинение Абвер 1, разведывательные команды и группы: Абверкоманда 101 в феврале 1943 г. [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 62] Абвергруппа 102, февраль – март 1943 г. (по ул. Набережной) [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 69].

2. Входящие в подчинение Абвер 2, разведывательно-диверсионные команды и группы: Абверкоманда 201, с осени 1943 г. по декабрь 1943 г. [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 129], Абвергруппа 202, но-

ябрь 1943 г. [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 135].

3. Входящие в подчинение Абвер 3, контрразведывательные команды и группы, работа которых проводилась в тесном контакте с СД и ГФП («Гехаймфельдполицай» — тайная полевая полиция, выполнявшая функции гестапо в зоне боевых действий и в ближних армейских и фронтовых тылах, Абверкоманда 301, конец 1942 – начало 1943 г. [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 177], Абвергруппа 301, февраль – апрель 1943 г. [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 179], Абвергруппа 304. Подчиненный ей Мельдекопф (головной пост) был создан в Евпатории в январе 1944 года. Размещался по ул. Пушкина,1 [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 189].

4. Разведывательно-диверсионная школа (входила в структуру сформированного РСХА разведывательно-диверсионного органа «Цеппелин»). Создана в Евпатории в апреле – мае 1942 г. Находилась в городе до сентября 1942 года. Официальное название «Гауптлагерь Крым». Размещалась на территории детского санатория НКВД (ныне сан. «Евпатория»). Одновременно обучалось до 200 курсантов [Структура и деятельность органов германской разведки..., 2011, с. 503].

Наличие всех перечисленных подразделений, помимо прочего, свидетельствует о том, что немцы чувствовали себя в Евпатории в достаточной безопасности. Эта безопасность обеспечивалась непрерывающимся массовым террором по отношению к населению. Из упомянутых выше в наибольшей степени к его организации и проведению причастны команда и группы, подчиненные Абвер 3, но главная роль принадлежит комендатуре. На протяжении практически всего оккупационного периода «реальная власть на полуострове (и, в частности, в Евпатории) принадлежала командующему расквартированных здесь частей Вермахта» [Романько, 2005, с. 7]. Основными органами, через которые командование вермахта осуществляло управление оккупированными территориями были полевые (Feldkommandantur-ФК) и местные (Ortskommandantur-ОК) комендатуры. Евпатория находилась под управлением полевой комендатуры ФК810 и местной ОК(І)277.

О методах, использовавшихся комендатурой, и, вообще, о сложившейся в те годы зло-

вещей атмосфере обреченности и страха сохранилось немало свидетельств. Среди них показания, полученные в ходе проводившегося в Севастополе открытого судебного процесса над военными преступниками. Он проходил с 12 по 23 ноября 1947 года. Дело рассматривалось Военным Трибуналом ЧФ. На скамье подсудимых находилось 12 офицеров и солдат во главе с командующим 17-й немецкой армии генерал-полковником Эрвином Йенеке. Среди подсудимых — двое, имевшие непосредственное отношение к Евпатории — ортскомендант майор Отто Виллерт и командир частей СС и полиции Евпаторийского округа гауптштурмфюрер СС Пауль Кайбель. В «Акте горкомиссии» в числе виновных в преступлениях, совершенных в Евпатории, фамилия Виллерта упоминается, но он был не единственным и не первым комендантом города. С начала декабря 1941 г. Ортскомендатура 277 дислоцируется в Евпатории (размещалась в здании санатория Министерства обороны — угол ул. Дувановской и ул. Белинского), тогда ее возглавлял подполковник Зейгер. При нем Евпатория пережила самые массовые казни января 1942 года. По показаниям старшего фельдфебеля ортскомендатуры Вилли Швайгофера (допрошенного в качестве свидетеля), в конце апреля – мае 1942 года должность коменданта временно исполнял обер-лейтенант Нойгаузе. В мае его сменил майор Ганш, а с июля 1942 г. по апрель 1944 г. капитан (впоследствии майор) Виллерт (Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 79–80). Швайгофер дал показания о массовых январских расстрелах и об основных исполнителях — солдатах, сотрудниках ортскомендатуры, жандармах; о непрекращавшихся арестах и казнях на протяжении всего периода оккупации; о регулярных облавах в городе, проводившихся по приказам ортскомендантов полицией и фельджандармерией с периодичностью 1–2 раза в неделю. По результатам облав часть задержанных расстреливалась. В ходе облав набирались и партии для отправки в Германию. Первый эшелон, в котором находилось около 1500 человек, был отправлен в г. Клагенфурт (Австрия) в июне 1942 г. Второй, примерно с таким же количеством людей, ушел из Евпатории в августе. В третьем, отправленном в сентябре, находилось около 1000 человек [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 83].

Из протокола допроса В. Швайгофера:

«В период отправки населения в Германию, и позже, фельджандармерией периодически проводились по городу облавы, в результате задерживали и арестовывали советских граждан, почему-либо оказавшихся без документов. Этих людей фельджандармерия направляла в СД для проведения следствия. Сколько всего было направлено из ортскомендатуры советских людей в СД, я не знаю, но я лично видел, что после каждой облавы направлялось около 10–12 человек». В начале допроса В. Швайгофер говорит о «следствии в СД», но уже на следующей странице достаточно подробно описывает, что под этим следует понимать. «Мне лично говорили фельджандармы и солдаты СД, что этих людей, направленных в СД то ли комендатурой, то ли полицией, там расстреливали. Кроме того, я лично сам, примерно в октябре 1942 г. слышал выстрелы в СД, в результате чего я был уже убежден в правильности сказанного мне фельджандармами и солдатами» [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 83–84]. Свидетельства В. Швайгофера дополняют сведения, сообщенные В. Скрипка, допрошенной в качестве свидетеля 20.10.47 г., работавшей с июня 1942 г. бухгалтером в бюро труда. Она сообщила, что в декабре 1942 г. был отправлен четвертый эшелон, а в 1943 году еще 2 или 3 эшелона, каждый из которых увозил на чужбину от 1000 до 1500 человек. Таким образом, в 1942–1943 г. г. из Евпатории было вывезено более 7000 человек. В это число входит около 2000 человек, жителей прилегающих районов. Так, в ходе процесса в Севастополе было установлено, что комендант Ак-Мечети (пгт. Черноморское) майор Гельмут Альберти организовал из поселка вывоз на принудительные работы в Германию 961 человека, значительная часть которых отправлялась железной дорогой из Евпатории.

Из протокола допроса В. Скрипка:

«Люди отказывались, меняли местожительство, скрывались...но все это помогало мало. Шеф бюро труда Радлоф составлял списки советских граждан накануне отправки эшелона. Эти списки передавались в жандармерию... Ходили по квартирам, забирали всех, кто подлежал отправке, закрывали в подвалах, а затем направляли эшелоны в Германию. Зачастую списки направлялись и в ортскомендатуру, которая также содействовала отправке советских граждан.

В городе часто проводились жандармерией облавы в основном в местах скопления: на рынке и в кинотеатрах. Забирали всех...» [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 142]. Относительно того, что их ждет в Германии, люди иллюзий не питали. Даже этнические немцы старались избежать высылки в Германию. По сведениям старшего научного сотрудника ОГА НКВД Крыма Б. Вольфсона, «в одном только г. Евпатории уклонившихся от эвакуации местных немцев было свыше 170 человек» [ГАРК. Ф. П. 156. Оп. 1. Д. 221. Л. 6].

В то же время следует признать, что среди оказавшихся в Германии, были и добровольцы. Среди них и искренне верившие в свое счастливое будущее в условиях западного (на тот момент, германского) благополучия, и уже успевшие запятнать себя сотрудничеством с оккупантами, и испытывавшие ненависть к советскому режиму и пр. В первом эшелоне, уходившем в Германию, добровольцев было более трети (подобная статистика характерна для большинства оккупированных территорий СССР). В дальнейшем их количество резко снизилось, но все же они находились в каждом из уходящих на запад поездов. Не случайно, при составлении «списков лиц, угнанных на каторжные работы в Германию», присутствовала графа: «Добровольно или насильственно выехал в Германию». Например, в списке из 448 человек, хранящемся в фондах евпаторийского музея, подписанном секретарем горкома партии Ермаковым, добровольно выехавших 92 человека, т. е. более 20% (ЕКМ н/в 13 498). Этот процент соответствует в среднем количеству по Евпатории. Таким образом, из 5000 евпаторийцев, по-существу угнано было около 4000 человек, а более 1000 покинуло родину по собственному желанию.

Свидетельства работавшей в ортскомендатуре (в составе кухонного персонала) М. Каменской содержат также сведения об угоне в Германию, массовых расстрелах, при этом она говорит о 10 тыс. человек, казненных после десанта. Это преувеличение. Кухонная рабочая ортскомендатуры, безусловно, и не могла знать точной цифры. Но в этом преувеличении отразились и масштаб, и ужас от содеянного, который в те дни охватил все население города. Каменская сообщила об известных ей объектах, взорванных немцами перед отступлением: электростанции, ряде санаториев, курортной поликлиники и др. В своих показаниях М. Каменская отмечала, что все преступления,

совершенные в городе в период оккупации, совершались ортскомендатурой, жандармерией, СД, полицией и при массовом участии немецких солдат [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 107–108].

Подсобная рабочая ортскомендатуры М. Клюева рассказывает о ежедневных арестах и допросах: «...Подвалы всегда были полны арестованными. Арестовывали людей без всякой причины, только лишь за малейшее подозрение в связях с партизанами. Много арестовывали женщин и мужчин за то, что они ходили в сельские места менять свои вещи на продукты. Этих обвинили в связях с партизанами, якобы они несли партизанам вещи и пищу. Много арестованных привозили из районов. За что их арестовывали, я не знаю, но знаю, что участь их постигла одна и та же...» [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 66–67].

Осужденный на 10 лет лишения свободы, бывший городской голова Евпатории Н. Сулима допрашивался в качестве свидетеля. В своих показаниях, видимо, опасаясь возможности увеличения срока, конкретные факты действий оккупантов приводил скупко, предпочитая в большей степени давать обобщенную характеристику их деятельности, либо минимизируя ее. Например, он сообщает о 1500 расстрелянных после десанта, хотя в редактируемых им же «Евпаторийских известиях» 11 января сообщалось о 2 тыс. расстрелянных. По словам Н. Сулимы об этом расстреле он чуть ли не впервые узнал от коменданта города майора Ганша весной или летом 1942 г., при том, что сам же помещал информацию о нем в январе 1942 года (?!). И тем не менее, в показаниях коллаборациониста содержится немало ценного материала, дающего возможность более цельно представить картину происшедшего в 1941–1944 гг. Отрывок из протокола допроса:

«Будучи украинским буржуазным националистом, революцию я встретил враждебно и в дальнейшем активно проводил антисоветскую работу... Я в ноябре 1941 г. остался во временно оккупированном войсками г. Евпатории с намерением вести враждебную работу против СССР. С оккупационными немецкими властями я сотрудничал активно, являясь сперва редактором антисоветской по своему содержанию газеты «Евпаторийские известия», а затем городской головой города Евпатории».

Вообще в ходе допроса Сулима всячески старался подчеркнуть, что он искренне раскаивается

и сурово клеймит себя за работу на оккупантов. Естественно, не менее суровы и его суждения в отношении немцев. Но первоначально его гневные обличения носят откровенно общий, неконкретный характер:

«Зверства и надругательства немцев над советскими гражданами, в том числе и в Евпатории, общеизвестны, об этом знает каждый советский гражданин».

Вопросы следователя вынуждают Сулиму говорить более предметно: «В г. Евпатории, как и в других населенных пунктах, хозяином-администратором и проводником-блестителем системы устрашения и порабощения являлась юридически и фактически ортскомендатура — местная комендатура во главе с ортскомендантом, который регулировал жизнь города во всех отношениях и по всем направлениям.

Одним из наиболее распространенных средств этой регулировки были приказы, почти в каждом из которых фигурировали в качестве обязательного элемента, запугивание населения строгим или строжайшим наказанием по законам военного времени — тюрьмой, конфискацией, смертной казнью и т. п.

Наряду с угнетением населения устрашающими приказами, гитлеровские захватчики предприняли в городе Евпатории и массовое истребление мирного населения — сотнями и даже тысячами» (Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 47–53).

В ходе допроса командира частей СС и полиции Евпаторийского округа (с июля 1942 г. по апрель 1944 г.) гауптштурмфюрера СС Пауля Кайбеля выяснились подробности действий подчиненных ему подразделений, несмотря на явное желание скрыть или хотя бы приуменьшить масштабы преступлений. Так, за почти два года, полицией и службой СС в Евпатории было арестовано, по словам Кайбеля, всего около 500 советских граждан, большая часть которых находилась под арестом не более 14 дней и была оштрафована от 5 до 60 марок(?). Отрицал Кайбель и истязания, пытки по отношению к арестованным [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 216–220]. В ходе процесса в Севастополе было доказано, что он виновен в расстрелах около 500 жителей Евпатории. Помимо проведения казней, его службы участвовали в реквизициях, насильственном вывозе населения в Германию. В период с конца декабря 1943 г. по февраль 1944 г. Кайбель

участвовал в операции по созданию «мертвой зоны» в Зуйском и Бахчисарайском районах. Рота 150 охранного батальона под его командованием сожгла 10 деревень, расстреляв 26 их жителей, а 1650 человек гражданского населения арестовано и направлено в СД г. Симферополя.

Во время очной ставки, проведенной между П. Кайбелем и ортскомендантом Евпатории О. Виллертом, помимо прочего, выяснилось, как планировалось и осуществлялось уничтожение различных объектов Евпатории перед уходом немцев из города. На совещании в конце 1943 года «майор Виллерт зачитал секретный приказ комендатуры № 751, который был издан на основании приказа Главнокомандующего Крымскими войсками. Приказ гласил: «...в случае эвакуации Евпатории ортскомендант отвечает за выполнение уничтожения объектов военного значения, как то: казармы, военно-укрепленные пункты, электростанции, водоканал, склады с зерном, железнодорожные и другие мосты и промышленные объекты» [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 194].

Среди далеко не всех планировавшихся к уничтожению объектов в Евпатории, Виллерт перечислил электростанции, водоканал, хлопкоочистительный завод, МТС, мельницу, склады с зерном, при этом признав, что ответственным за выполнение всего плана по уничтожению промышленных (и не только промышленных) объектов был он [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 195]. На совещании, проводимом майором Виллертом, присутствовали: Пауль Кайбель, начальник полевой жандармерии лейтенант Клейман, адъютант ортскомендатуры лейтенант Кнеер, представитель окружного и районного сельского хозяйства (ВИКО) Вольф и командир саперной команды. Подробно обсуждались детали проведения предстоящей акции. Например, Вольф считал уничтожение складов с зерном взрывами неэффективным и предложил зерно облить керосином и поджечь (что и было сделано впоследствии). Взрывали объекты в Евпатории 11 и 12 апреля 1944 г. [Архив УФСБ РФ по Республике Крым и Севастополю, Д. 234. Т. 7. с. 195].

При рассмотрении материалов, касающихся военных преступлений, преступлений против человечности, совершенных немцами на оккупированных территориях Советского Союза, обращает на себя внимание тот факт, что из представших перед судами (как солдат и офицеров вермахта,

так и представителей СС, СД и гестапо), практически никто не раскаивался в содеянном. Стремление скрыть или преуменьшить свое участие, налицо, а вот раскаяния или чувства вины не обнаруживалось почти никогда. Достаточно красноречивое свидетельство, что идеология нацизма была отнюдь не чужда военнослужащим вермахта. Немецкий историк Вольфрам Ветте совершенно справедливо отмечает, что нацистская пропаганда была адресована не только эсэсовцам, но и солдатам вермахта и сотрудникам оккупационных администраций. «Перед этими военнослужащими стояли практические, хотя и различные задачи выполнения того, о чем столь открыто высказался Гитлер на совещании 16 июля 1941 года — расстреливать, завоевывать, истреблять, выяснять, управлять и эксплуатировать» [Ветте, 2006, с. 101].

Происходившее в Евпатории в 1941–1945 гг. — это составная часть продуманной программы исполнения того, о чем говорил Гитлер, выполнявшейся на оккупированных территориях СССР.

Безусловно, невозможно в рамках одной статьи описать всего пережитого городом в годы войны. Даже перечень известных нам фактов займет не один десяток страниц. Помимо вышеупомянутых нельзя, например, не вспомнить о зверски уничтоженных 2000 человек военнопленных и гражданских лиц. 5 декабря 1943 г. они были погружены на баржу в Евпаторийском порту. Баржа затоплена в открытом море... [ГАРК. Ф. 156. Оп. 1. Д. 34. Л. 7]. Погибшие уничтожены по приказу командующего 17-й армией Э. Йенеке. Бессмысленная жестокость расправы поразила даже некоторых немцев. В документальной повести командира Южного соединения крымских партизан М. Македонского «Пламя над Крымом» описан эпизод, когда один из плененных мотивировал свое желание воевать с соотечественниками тем, что был свидетелем происшедшего в Евпатории [Македонский, 1963, с. 239]

В соответствии с директивой ОКВ от 16.12.1942 г. Кейтелем от имени Гитлера военнослужащие Вермахта освобождались от ответственности за любые преступления, совершаемые во время антипартизанской борьбы. Под этим термином осуществлялось целенаправленное уничтожение сотен тысяч людей уже с первых дней присутствия германской армии на территории СССР и продолжалось до последних дней оккупации. Им же руководствовался Э. Манштейн, когда приказывал расстрелять

«партизан» в Евпатории в январе 1942 года. Так называемые «партизанские действия» служили удобным предлогом в проведении массового террора по отношению к жителям города в 1941–1944 гг.

23 ноября 1947 года вынесением приговора в Севастополе завершился суд над 12 военными преступниками. Офицеры были приговорены к высшей мере наказания — 25 годам лишения свободы (смертная казнь в СССР с 1947 по 1950 годы была отменена), а солдаты к 20. Из всех осужденных только один — Пауль Кайбель представлял органы СС, остальные — военнослужащие вермахта. Двое из осужденных — О. Виллерт и П. Кайбель имели непосредственное отношение к Евпатории. В послевоенные годы, аналогичные севастопольскому, прошли судебные процессы в Киеве, Брянске, Николаеве, Смоленске, Ленинграде, Чернигове, Полтаве и ряде других городов. В отечественной публицистике совершенно справедливо отмечается, что в отличие от Нюрнбергского, этими судами, по существу были признаны преступными не только службы СС, СД и гестапо, но и подразделения Вермахта. Тем, кто был осужден в 1947–1950 г. г., можно сказать, дважды повезло — отмена смертной казни и амнистия 1955 года позволила многим из них благополучно дожить свои дни на родине в Германии. После установления дипломатических отношений с ФРГ в 1955 году, политическое руководство страны во главе с Н. Хрущевым приняло решение об амнистировании военнослужащих Германии, включая содержащихся в тюрьмах и лагерях в качестве военных преступников. Случай едва ли не беспрецедентный в мировой практике. Впрочем, в том же году по «Указу Президиума Верховного Совета СССР от 17.09.1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны» на свободе оказались десятки тысяч карателей, полицаев и всякого рода пособников оккупантов. По официальной статистике в 1956 году в западные области Украины вернулись из лагерей, тюрем и ссылок около 20 тысяч членов формирований ОУН УПА. И большинство доживших до наших дней ветеранов, кто сегодня в форме, надетой на них гитлеровцами, проходит парадными колонами в Киеве, Львове, Ивано-Франковске и т. д. — это, как раз, из амнистированных в 1955 году. Справедливости ради следует признать, что не ко всем судьба была так благосклонна. Многие получили заслуженную

кару еще в ходе боевых действий до окончания войны или, представшие перед судом до 47-го или после 50-го годов. Указанное в полной мере относится и к тем, кто запятнал себя сотрудничеством с оккупантами в Евпатории. В силу ограниченного объема тема местного коллаборационизма в статье не рассматривалась. Она требует отдельной публикации. Скажем только, что все они, безусловно, причастны к преступлениям, совершенным немцами.

Масштабы преступлений, совершенных вооруженными силами Германии и ее союзников, убедительно раскрываются в документе, опубликованном в 2005 году профессором Волгоградской академии МВД РФ А. Епифановым: «6 апреля 1948 г. согласно указанию заместителя Министра внутренних дел СССР И. А. Серова во все лагеря и спецлагеря военнопленных был направлен список соединений и частей, карательных органов и войск бывшей германской армии и ее союзников, — совершивших зверства и злодеяния на подвергавшейся временной оккупации территории СССР». Данный список был составлен на основании материалов следствия в отношении

гитлеровских военных преступников, а также актов Чрезвычайной государственной комиссии. В нем нашли отражения наименования воинских подразделений вермахта, маршруты их движения, район и период действий.

Всего в документе содержалось 9 разделов: 1) полевые соединения и части бывшей германской армии — 216 наименований, отдельные немецкие воинские части 128 наименований; 2) соединения и части румынской армии — 25 наименований; 3) соединения и части венгерской армии — 55 наименований; 4) войска СС — 41 наименование; 5) полицейские части — 54 наименования;

6) охранные дивизии, полки и батальоны — 53 наименования; 7) военно-полевые комендатуры — 81 наименование; 8) сельхозкомендатуры — 40 наименований; 9) немецкие лагеря для военнопленных — 14 наименований [Епифанов, 2005, с. 63].

В этом обширном перечне присутствуют и оставившие о себе зловещую память в Евпатории, совершившие то, что называется преступлениями без срока давности.

Архивные документы и материалы

- ГАРК. Фонд Ф-219 (Материалы по паспортизации городов Крымской АССР. Паспорта и пояснительные записки городов: Феодосия, Евпатория, Керчь, Симферополь), опись 1, дела 115,112.
- ГАРК. Фонд Ф-1289 (Материалы Чрезвычайной Государственной комиссии по учету ущерба и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Крыму), опись 2, дело 81.
- ГАРК. Фонд П-76 (Протоколы заседаний бюро Евпаторийского РКВКП(б) №№1–23 1944 год), опись 1, дело 169.
- ГАРК. Фонд П-156 (Материалы о подготовке и проведении подпольной и партизанской борьбы в Крыму в 1941–1944 г. г.), опись 1, дела 61,71,74,221.
- Филиал ЦАМО (Центральный Архив Министерства обороны), (Архив ВМФ). Фонд Ф-1087 (Материалы по Евпаторийской десантной операции), опись 374, дело 4.
- Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Крым и Севастополю. Следственное дело №234 по обвинению немецких военных преступников: Йенеке Эрвина, Виллерта Отто, Кайбеля Пауля и др. в 21 томе. Том 7.
- ЕКМ (Евпаторийский краеведческий музей) 11586 н/в. Копия из архивных немецких документов. Т-2, л. 6.
- ЕКМ 595 н/в. Копия из архивных немецких документов. Т-2, л. 324.
- ЕКМ 11593 н/в. Перепечатка с фотокопии документа НОКВ-1183, л. 3 (из архивных немецких документов).
- ЕКМ 13498 н/в. Список лиц, угнанных на каторжные работы в Германию, л. л. 15–34.
- Протокол допроса осужденного бывшего городского головы города Евпатории Сулимы Николая Федоровича от 17.10.1947 г.: лл. 47–53.
- Протокол допроса Клюевой Марии Ефимовны от 20. 10. 1947 г.: лл. 65–67.
- Протокол допроса Швайгофера Вилли от 04. 11. 1947 г.: лл. 75–85.
- Протокол допроса Сирипка Валентины Кирилловны от 20. 10. 1947 г.: лл. 141–144.
- Протокол допроса Каменской Марии Михайловны от 13. 10. 1947 г.: лл. 166–168.

Протокол очной ставки между обвиняемыми — Кайбелем Паулем и Виллертом Отто от 01. 11. 1947 г.: лл. 192–195.

Протокол допроса осуждаемого военнослужащего, бывшего капитана германской жандармерии Кайбеля Пауля Густава от 24. 10. 1947 г.: лл. 216–220.

Литература

Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987. 336 с.

Батов П. И. Перекоп 1941. Симферополь, 1970. 167 с.

Ветте В. Образ врага. Расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. М., 2006. С. 94–124.

Гольденберг М. Эвакуация населения из крымской АССР в 1941–1942 гг. // Холокост в Крыму 1941–1944 гг. Документы и материалы. Симферополь, 2013. С. 32–42.

Гончаров В. Крым и приморский фланг советско-германского фронта в 1941–1944 гг. // Манштейн Э. Утерянные победы. СПб., 1999. С. 821–860.

Гончаров В. Каска из папье-маше // Исаев А., Мельтюхов М., Морозов М. Мифы Великой Отечественной. М., 2010. С. 32–48.

Диксон Ч., Гейльбурнн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957. 291 с.

Епифанов А. Военные преступники из числа бывших военнослужащих вермахта перед советским судом // Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в СССР 1941–1944. Выпуск 18. М., 2005. С. 54–69.

Земсков В. К вопросу о масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Пыхалов И., Лопуховский Л. и др. Умылись кровью? М., 2012. С. 242–259.

Книга Памяти Республики Крым. Том V. Симферополь, 1995. 573 с.

Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. Симферополь, 1973. 493 с.

Крым многонациональный (вопросы — ответы). Вып. 1. Симферополь, 1988. 144 с.

Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (вопросы — ответы). Вып. 4. Симферополь, 1994. 208 с.

Македонский М. Пламя над Крымом. Симферополь, 1963. 295 с.

Манштейн Э. Утерянные победы. СПб., 1999. 896 с.

Окупаційний режим в Криму. 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей. Симферополь, 1996. 120 с.

Помнить ради будущего (Вестник музея 7). Евпатория, 2010. 343 с.

Помнить ради будущего. Часть II (Вестник музея 9). Симферополь, 2015. 332 с.

Романько О. Органы управления на оккупированной территории Крыма (1941–1944) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 11. С. 5–14.

Саркисян С. 51 армия (боевой путь) М., 1983. 285 с.

Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Сборник документов. Симферополь, 2011. 656 с.

Суда министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Справочник. М, 1989. 110 с.

V. S. Kropotov

**OCCUPATION OF EVPATORIA IN 1941–1944.
THE CRIME WITHOUT STATUTE OF LIMITATION**

Abstract

The article discusses features of the policy of genocide carried out by the German occupation authorities in Evpatoria, 1941-1944. It determines the scope of repression carried out in relation to the population of the city. There are pointed out peculiarities of the established Nazi mass terror regime in the occupied territories of the USSR, and the specifics of its implementation in Evpatoria. It is noted that for the crimes against humanity, apart from the services and organizations of Nazi Germany which the Nuremberg Tribunal recognized criminal, not a smaller share of the blame falls on the troops of the Wehrmacht.

Key words: occupation regime, war crimes, mass terror, Wehrmacht, Evpatoria, Great Patriotic War.